

ФЕЛЬДМАРШАЛ
КУТУЗОВ

А. Ф. Босулаев. Эскиз декорации 9 картины

ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ

**Пьеса в 4 действиях
В. СОЛОВЬЕВА**

*Центральная театральная касса
Управления по делам искусств
Ленгорисполкома
Ленинград 1941*

Обложка С. В. Сенаторского

**В книге воспроизведены сцены и персонажи
из постановки пьесы в Ленинградском театре
им. Ленинского Комсомола**

Ответств. редактор В. Флигельман.

Подписано к печати 5/III-41 г.

Тираж 10.000. Авт. л. 2. Печ. л. в $\frac{1}{32}$ 5.

Заказ № 110. М 38634. Бум, 72×110 в $\frac{1}{64}$.

Управления издательств и полиграфии

Исполкома Ленгорсовета.

Тип. им. Володарского № 1 Фонтанка, 57.

Один Кутузов мой предложит Бородинское сражение, один Кутузов мой отдать Москву неприятелю, один Кутузов мой оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно оправдал.

А. С. ПУШКИН.

Генерал
Князь
Кутузов

Редутный
Полковник
Савинский

М. И. Кутузов

*М. Б. Барклай-де-Толли
С карт. Дау*

МИХАИЛ ИЛЛАРИОНОВИЧ КУТУЗОВ

А. М. Исаев

ИМЯ КУТУЗОВА навсегда связано с одной из наиболее славных и героических страниц прошлого нашей страны — с Отечественной войной. В эту критическую минуту русский народ нашел в лице Кутузова не только крупнейшего пол-

ководца, способного противостоять угрозе наполеоновского нашествия, но и патриота, искренно и беззаветно преданного своей родине. Роль, сыгранная Кутузовым в событиях 1812 года, обеспечивает ему одно из самых почетных мест в русской истории.

Михаил Илларионович Голенищев-Кутузов родился в 1745 г. Отец его был известным военным инженером (по его планам был, между прочим, прорыт Екатерининский канал — ныне канал Грибоедова — в Петербурге). Он с самого начала предназначил сына к военной карьере. Будущий фельдмаршал уже в раннем детстве обнаружил выдающиеся способности и неутомимую любознательность: его вопросы «о причинах вещей» ставили нередко втупик взрослых. 12 лет от роду Кутузов поступил — подобно отцу — в Инженерное училище, которое окончил в 1761 г. первым учеником. Уже в молодые годы он обладал

серьезными и разносторонними знаниями, которые неустанно и систематически углублял и пополнял в течение всей своей жизни. Современники, близко знавшие Кутузова, единогласно отмечают, что он не только «постиг в совершенстве военные науки и математику», но основательно изучил также историю, философию, словесность и свободно говорил на пяти-шести языках (включая даже турецкий).

По окончании училища Кутузов служил в чине прапорщика в Астраханском полку, которым командовал тогда Суворов. Именно в эти годы зародилась та тесная дружба, которая в течение почти 40 лет связывала двух великих русских полководцев.

Суворов с первого дня оценил в молодом офицере качества, так сильно способствовавшие впоследствии победе Кутузова над Наполеоном: тонкий проныцательный ум, блестящие военные

способности, неусыпную заботу о солдатах и умение заслужить их любовь, наконец, исключительное личное бесстрашие. Эта последняя черта проявилась особенно ярко в битве под Алуштой (1774 г.), где Кутузов со знаменем в руках первый ворвался в турецкие укрепления и получил тяжкую рану в голову, лишившую его правого глаза. *

Военные дарования Кутузова впервые развернулись в полном блеске в 1790 г. (он был тогда уже генералом) при взятии турецкой крепости Измаил. Крепость эта, считавшаяся всеми европейскими авторитетами неприступной, была взята штурмом русскими

* Пуля вошла Кутузову в левый висок и вышла из правого глаза. Любопытно, что 13 лет спустя—в 1787 г.—Кутузов получил точно такое же ранение. Лечивший его врач сказал по этому поводу, что „судьба, спасшая Кутузова от двух смертельных ран, бережет его на что-то необычайное“.

войсками под начальством Суворова, который впоследствии говорил: «Кутузов шел у меня в этом деле на левом крыле, но был моею правой рукой».

К моменту смерти Суворова (1800 г.) Кутузов считался уже единственным достойным его преемником, и вся армия с полным основанием видела в нем хранителя суворовских традиций. Не удивительно поэтому, что во время первой войны России с Наполеоном (1805 г.) Александр I поручил командование войсками именно Кутузову, хотя последний весьма скептически смотрел на исход затеянного предприятия: подобно Суворову, Кутузов не доверял нашим тогдашним союзникам — австрийцам и считал вообще излишним проливать кровь за интересы, чуждые России.

Предсказания Кутузова сбылись полностью. По приказу царя, уверенного в легкой победе над Бонапартом, Кутузов, вопреки своему желанию, дал

знаменитое Аустерлицкое сражение. Начатое в самых неблагоприятных условиях, оно окончилось, несмотря на храбрость русских войск, полным их поражением. Царь поспешно уехал от армии еще с поля битвы, а Кутузов, раненный, продолжал отступление с остатками войск.

Мы потому остановились на Аустерлице, что эта битва явилась причиной вражды Александра I к Кутузову, столь ярко проявившейся в 1812 году. Самолюбивый и претендовавший на репутацию полководца, царь не мог простить Кутузову, что последний не только не удержал его от сражения (словно это было возможно!), но и не старался особенно скрывать, что ответственность за разгром падает на него, Александра.

Начало Отечественной войны застало Кутузова в Молдавии, где он командовал армией, действовавшей про-

тив турок. Именно его дипломатическим способностям русское правительство было обязано своевременным заключением выгодного мира с Турцией, который позволил сосредоточить все силы против Наполеона.*

Это была первая услуга, оказанная Кутузовым России в 1812 году. Немедленно после подписания мирного договора Кутузов выехал в Петербург, куда прибыл в середине июля.

В момент приезда Кутузова в столицу положение на театре военных действий было весьма неблагоприятным для русских. Хотя армия избавилась уже от стеснительного присутствия царя и его свиты и благополучно выбралась из западни, куда ее завлек неудачливый консультант ца-

* Именно этот мир присоединил к России Бессарабию, насильственно отторгнутую в 1918 г. румынами и в 1940 г. снова воссоединившуюся с Союзом ССР.

ря по военным вопросам Пфуль,—русские продолжали все же отступать под натиском французов, взявших уже Витебск, а вскоре и Смоленск. Опасность усугублялась тем, что в русской армии фактически отсутствовало единство командования. Номинальный главнокомандующий, осторожный и методичный Барклай де Толли, стоял за дальнейшее отступление, тогда как кумир армий, князь Багратион, считал необходимым наступать. При таких условиях единственным выходом представлялось назначение нового главнокомандующего, авторитет которого был бы признан всеми.

Еще в бытность Кутузова в Турции во всех слоях русского общества стало крепнуть убеждение в том, что только назначение его на пост главнокомандующего может спасти Россию от грозящей гибели. После же возвращения его в Петербург, на имя царя и министров стали поступать тысячи

А. Д. К и ш е н к о. Военный совет в Филях в 1812 году

В. В. Верещагин. Пожар в Кремле

писем (исходившие от лиц самых различных сословий) с пожеланиями или требованиями назначения Кутузова. Голос общественного мнения стал настолько громким, что комитет высших сановников, созданный для «обсуждения хода войны», единогласно предложил Александру I назначить Кутузова главнокомандующим. Это решение было тем более знаменательно, что члены комитета превосходно знали о чувствах царя к Кутузову.

В минуту опасности Александру I действительно пришлось поступиться своим самолюбием: 20 августа 1812 г. (числа всюду по новому стилю) Кутузов был назначен главнокомандующим и наделен необычайно широкими полномочиями.

С нелегким сердцем принял Кутузов это назначение, фактически возлагавшее на него ответственность за судьбу русского народа в один из самых грозных моментов его истории.

Старый соратник Суворова знал, какого противника имеет он в лице Наполеона; он также давно уже понимал, что избранная Барклаем тактика заманивания французов вглубь страны является единственно правильной в условиях численного превосходства сил врага. С другой стороны, он не менее ясно сознавал, что мнение народа, считавшего Барклая изменником именно за его отступление, не позволит его преемнику уклониться от сражения с Наполеоном. Кутузов знал также, что от царя и окружавшей последнего клики ему не придется ждать поддержки; напротив, ему придется вести неустанную борьбу с их некомпетентным и пагубным вмешательством в дело войны. Наконец, не было у Кутузова и полной уверенности в том, что ему удастся выдержать до конца все тяготы похода: если ум его сохранил ту же ясность и гибкость, как и в дни молодости, то физические силы

стали ему явно изменять... И все же в глубине души Кутузов, по собственным словам, был убежден в конечной победе России. Он верил в неисчерпаемые силы русского народа, и эта уверенность помогла ему выдержать все испытания войны.

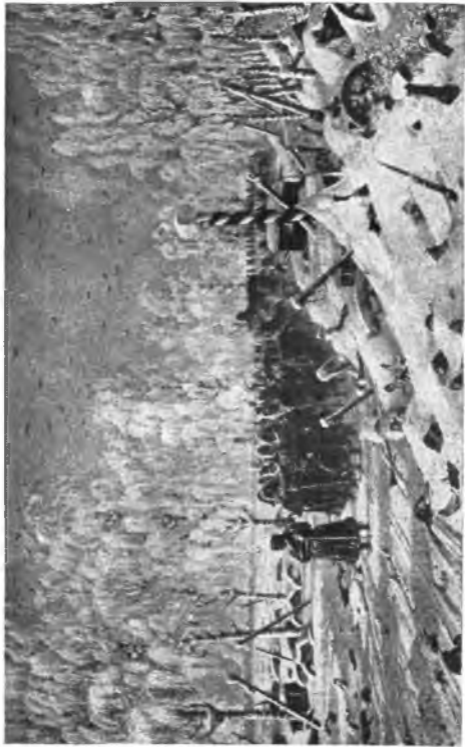
Александр I вручил командование Кутузову против своей воли. В одном из писем к сестре, Екатерине Павловне, он горько жаловался на «старика, который был навязан ему общественным мнением» и которого пришлось взять «за отсутствием лучшего». Желая иметь в армии «верного» человека, царь назначил начальником штаба генерала Беннигсена (этот «верный» человек был одним из главарей заговора, лишившего Павла I — отца Александра — престола и жизни). По мысли царя, Беннигсен должен был осведомлять его — помимо Кутузова — о ходе войны и о настроениях армии. Для беспринципного карьериста и ин-

тригана Беннигсена, о «деятельности» которого в 1812 году с таким презрением отзывался Энгельс, такая роль вполне подходила! Новый начальник штаба выехал к армии не только вместе с Кутузовым, но даже в одной карете с ним.

Приезд Кутузова в армию (в Царев-Займище, 29 августа) сразу поднял дух войск, упавший было под влиянием непрерывного отступления. Большинство солдат и офицеров знало Кутузова по прежним походам, а те, которые не знали, сразу оценили его доброту, простоту в обращении и заботу о людях. «Приехал Кутузов бить французов» — повторяла вся армия через несколько дней после приезда нового главнокомандующего. Не менее благотворное действие оказал приезд Кутузова на настроение верхушки командного состава. Ссоры и пререка-

*В. В. Верещагин. Наполеон и маршал Лористон.
„Мир во что бы то ни стало“*

В. В. Верещагин. Отступление великой армии.

ния, бывшие следствием отсутствия главнокомандующего, прекратились. Даже Барклай и Багратион, отношения которых до крайности обострились после сдачи Смоленска, остались служить вместе.

В своих высказываниях относительно той тактики, которой он намерен придерживаться в качестве главнокомандующего, Кутузов соблюдал в это время величайшую осторожность. В день приезда в армию он бросил, правда, крылатое слово, заключавшее в себе, казалось, осуждение тактики Барклая: «Как все отступить да отступить с такими молодцами!». Однако в следующие дни Кутузов объявил, что «ключом к Москве был Смоленск», давая понять, что падение Москвы предрешено. Говоря так, Кутузов достигал еще одной цели: он заранее снимал с себя ответственность за сдачу Москвы и возлагал ее на Барклая, чья репутация в глазах народа и ар-

мии все равно уже погибла. Не мелкие личные соображения руководили при этом Кутузовым, но сознание необходимости, в интересах успешного ведения войны, оградить свое имя от обвинений. События доказали целесообразность и даже необходимость подобной тактики, но Барклай не мог простить ее Кутузову, и последний тяжело переживал это.

Однако отдать Москву без сражения было все же невыносимо, и Кутузов превосходно понимал это. Он стремился лишь к тому, чтобы сражение это произошло возможно позже и возможно ближе к Москве, так как каждый день наступления стоил французской армии огромных потерь. Наконец, 7 сентября (26 августа ст. ст.) в 112 верстах от Москвы, у дер. Бородино, состоялась эта грандиозная битва, которой так страстно ждал Наполеон и ожесточенность которой лучше всего иллюстрируется тем, что у французов

выбыло из строя 47 генералов, а у русских — свыше 20, и среди них отважный, рыцарски-благородный Багратион. Русская армия не уступила почти не пяди земли, но понесла большие потери, нежели французы, а так как и до сражения она была малочисленнее их, то дальнейшее отступление было предрешиено.

Кутузов, по единодушному признанию всех наблюдавших его в этот день, несмотря на крайнее утомление, был на высоте положения. Все распоряжения его были удивительно целесообразны и соответствовали изменениям обстановки боя. Главное же, он сумел вдохнуть в армию такую уверенность в победу, что даже Барклай собирался атаковать французов на следующий день. Кутузов и впоследствии утверждал всегда, что Бородино было победой русских. Верил ли он в это сам? Можно с уверенностью ответить на этот вопрос утвердительно:

как и каждый участник Бородинского боя, главнокомандующий чувствовал, что под Бородином была одержана громадная моральная победа, надломившая силы французской армии и означавшая перелом в ходе войны.

Пока, однако, приходилось отступать и отдавать неприятелю Москву. Окончательно вопрос о сдаче Москвы решился на знаменитом военном совете в Филях (13 сентября). Здесь впервые произошло резкое столкновение между Кутузовым и Беннигсеном. Проникнувшись «русским патриотизмом», Беннигсен (он не умел даже как следует говорить по-русски) считал невозможным оставить без боя священную столицу России. Расчет Беннигсена был ясен: в случае отступления он снимал с себя всякую ответственность за него, в случае же сражения и победы он приписал бы себе всю заслугу. Большинство генералов (Ермолов, Раевский, Коновницын и др.) сто-

яло на точке зрения Беннигсена, — настолько их пугала мысль об оставлении Москвы. Однако Кутузов, поддержанный одним Барклаем, приказал отступить, сказав свои исторические слова: «Спасение России в армии, и лучше отдать Москву, чем рисковать и армией, и Москвой».

14 сентября Москва была оставлена, и русская армия отступила сначала на Рязань, а затем искусным маневром (знаменитый фланговый марш Кутузова, высоко оцененный военной историей) передвинулась к Калуге, откуда угрожала тылу Наполеона и прикрывала южные губернии. Начался новый и самый трудный для Кутузова этап войны.

После взятия французами Москвы положение воюющих сторон было таково: стотысячная французская армия занимала Москву и ее окрестности, русские войска, достигшие к тому времени одинаковой численности с непри-

ятелем, стояли в 100—120 верстах к юго-западу от Москвы, а в окрестных лесах действовали партизанские отряды, — пламя народной войны разгоралось с каждым днем, — причинявшие французам немало хлопот. В течение всех пяти недель пребывания Наполеона в Москве (с 14 сентября до 19 октября) это положение не менялось и никаких сражений (кроме боя под Тарутином) не происходило.

Это «бездействие» Кутузова было вполне сознательным. Русский главнокомандующий наперед — почти непосредственно после Бородинского сражения — учитывал, что пребывание в сожженной и разоренной Москве ослабит и деморализует французскую армию лучше всяких сражений. Задача русских войск на данном этапе войны заключалась, по мнению Кутузова, в том, чтобы, щадя по возможности свои силы, ограничиваться партизанскими действиями, оказывать

всяческое содействие народной войне против французов и наблюдать за наполеоновской армией. «Не о славе выигранных баталий идет дело, — писал Кутузов царю, — но вся цель устремлена на истребление французов».

Некоторые официальные историки Отечественной войны (Михайловский-Данилевский и др.) обвиняли впоследствии Кутузова в страхе перед Наполеоном. Нечего и доказывать, насколько не обоснованы подобные упреки: стратегия Кутузова диктовалась обстановкой, сложившейся на театре войны, и если Кутузов не желал рисковать сражением (в сражении с Наполеоном всегда был риск), то отнюдь не из страха, а лишь потому, что время работало на русских лучше всего!

«Бездеятельность» Кутузова уже очень скоро вызвала резкое недовольство царя, который совершенно не понимал замыслов полководца и, оправившись от страха, вызванного поте-

рей Москвы, требовал перехода в наступление. В самой армии против Кутузова выступали не только Беннигсен, надеявшийся занять его место, но и многие генералы, жаждавшие побед и славы. Точку зрения Кутузова разделял только Барклай, но он был непопулярен, и, к сожалению, отношения его с главнокомандующим оставались натянутыми.

Особенно тяжелым стало положение Кутузова тогда, когда в армию прибыл английский комиссар, генерал Роберт Вильсон. В глазах сэра Роберта Вильсона (как, впрочем, и всех англичан) целью войны 1812 года было полное уничтожение наполеоновской Франции, которая в течение 15 лет оспаривала у английской буржуазии господство. Мысль о том, во что обойдется осуществление этого плана России, весьма мало беспокоила английского генерала. Хотя Вильсон и не занимал никакого официального поста в армии Кутузо-

ва, он, как представитель союзной страны, щедро субсидировавшей царя, и к тому же протезируемый лично Александром I и быстро завязавший тесную дружбу с Беннигсеном, весьма стеснял свободу действий Кутузова и резко критиковал «ошибки» фельдмаршала в письмах к царю. Против этих трех людей (из которых один был самодержцем всероссийским!) и пришлось бороться престарелому полководцу, обнаружившему в этой борьбе стойкость, громадную силу воли и горячий патриотизм.

И царь, и Вильсон, и Беннигсен, несмотря на различие мотивов (для царя смысл войны заключался в его личной борьбе с Наполеоном, Вильсон руководствовался интересами Англии, а Беннигсен соображениями карьерного характера), одинаково стремились к уничтожению наполеоновского могущества и одинаково мало думали о России. Для Кутузова, напротив, вой-

на 1812 года была борьбой русского народа за его национальную независимость. Он считал необходимым изгнать французов из пределов России, а все остальное казалось ему неизмеримо менее важным. Больше того, он считал (а однажды и высказал это Еильсону), что окончательный разгром наполеоновской Франции, плодами которого воспользуются Англия и другие западные державы, не будет выгодным для России. Большинство историков разделяет сейчас эту точку зрения.

В октябре отношения между царем и Кутузовым были уже до крайности напряженными. «Какое канальство!» — написал на одном из донесений Кутузова обычно сдержанный Александр Беннигсен со своей стороны подливал масла в огонь, унижившись в своих доносах царю до клеветы на Кутузова и вмешательства в его личную жизнь. Поведение Вильсона также становилось все более бесцеремонным.

Он, например, позволил себе протестовать против приема Кутузовым посланного Наполеоном для переговоров генерала Лористона, а затем потребовал, чтобы переговоры происходили при нем. Однако фельдмаршал решительно отказал ему в этом, а Беннигсену предписал «отъехать для лечения в Калугу», хотя последний отлюдь не жаловался на какие-либо недуги!

Эти интриги и столкновения сильно волновали Кутузова, но неизмеримо больше озабочивал его вопрос о судьбе Москвы и России. Появление Лористона в русском лагере с мирными предложениями Наполеона убеждало его в трудности положения французов, но он боялся еще верить этому. Наконец, однажды глухой ночью в ставку Кутузова пришло донесение об отступлении французов из Москвы. Узнав об этом, Кутузов не мог сдержать своего волнения и заплакал: он понял, что Россия была спасена.

Отступление французов еще более обострило (если только это было возможно) отношения между царем и его главнокомандующим. Еще до ухода французской армии из Москвы царь послал Кутузову план кампании, составленный его петербургскими советниками и предусматривавший окружение наполеоновской армии у Березины. Кутузов принял этот план к исполнению, но тогда же написал царю, что «диверсии на дальние расстояния» обычно не достигают цели. В самом деле, в условиях русских пространств, бездорожья, осенней распутицы и зимних холодов план этот был нереальным.

Кутузов и не подумал приводить его в исполнение: он заботился главным образом о том, чтобы беречь солдат, жестоко страдавших от холода и форсированных переходов, и лишь во вторую очередь думал о преследовании французов, силы которых и без боя

таяли день ото дня. Все же, по авторитетному свидетельству Клаузевица,* преследование Наполеона было достаточно энергичным, а в бою под Красным Кутузов вывел из строя и взял в плен половину французской армии.

Попытка окружения французов под Березиной, как и предсказывал Кутузов, окончилась неудачей. Энергия Наполеона, храбрость его войск, ошибки русских генералов, — все это спасло французскую армию. Кутузов со своими войсками участия в этой операции не принимал.

В начале декабря Великая армия перестала фактически существовать, Наполеон уехал во Францию формировать новые полки, а остатки его войск перешли обратно русскую границу. Русская армия, потерявшая более двух третей своего состава (63 тыс. из 90),

* Карл Клаузевиц — крупнейший военный теоретик.

расположилась на зимних квартирах в Вильне: видя истощение своих войск и считая задачу выполненной, Кутузов твердо решил не продолжать войны за пределами России.

В конце декабря в Вильно прибыл Александр I. Зная популярность Кутузова в армии, зная, что весь народ — без различия классов — считает его спасителем отечества, царь не только не решился снять фельдмаршала с поста главнокомандующего, но даже принужден был наградить его высшей военной наградой — орденом Георгия 1-й степени. Наедине, однако, Александр высказал Кутузову свое неудовольствие за недостаточно энергичное ведение войны и объявил о своем намерении воевать до полной победы над Наполеоном. Все попытки Кутузова убедить царя в ненужности для России новой войны были безуспешны.

В январе 1813 г. русская армия перешла границу. Объявляя об этом

в приказе по армии, Кутузов убеждал войско думать прежде всего о страданиях мирного населения и охранять его.

По прибытии армии в силезский городок Бунцлау, Кутузов окончательно слег и, несмотря на усилия врачей, уже не вставал больше. Не взирая на болезнь, он до конца интересовался ходом войны и приказывал докладывать себе о состоянии войск. Когда положение фельдмаршала стало безнадежным, царь приехал проститься с ним. Здесь-то и произошла та драматическая сцена, которую описал нам ее случайный свидетель. «Прости меня, Михаил Илларионович!» — сказал Александр, намекая на трудности и неудачи новой войны. «Я, государь, прощу, но Россия никогда не простит» — таков был ответ умирающего полководца.

На следующий день, 28 апреля 1813 г., фельдмаршал князь Кутузов-Смоленский скончался.

Как справедливо писал Толстой в «Войне и мире», Кутузов был в 1812 г. воплощением народной войны против Наполеона. Более того, вопреки усилиям и интригам царя и правящей верхушки российского дворянства, он сумел стать подлинным вождем русского народа в его борьбе с завоевателем. В этом — гигантская историческая заслуга Кутузова и его право на бессмертие.

*Фельдмаршал Кутузов —
засл. арт. В. В. Толубеев*

Багратион — А. В. Соколов

«ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ»

Мих. Козаков

Личная жизнь», «Улыбка Джоиконды», «Чужой» — вот спорный драматургический путь Владимира Соловьева до написания им весьма примечательного «Фельдмаршала Кутузова», принесшего автору вполне заслуженную известность и первую настоящую победу на театре.

Этот успех пришел не сразу: совсем не многие решались предрекать его. Больше того: незадолго до премьеры «Фельдмаршала Кутузова» в театре им. Евг. Вахтангова, раздался в печати солидный и сварливый голос недовольства пьесой, — по существу, голос предупреждения театру. Тем значительнее оказалась заслуга вахтанговцев, не убоившихся риска в искусстве, веривших в правоту своего выбора и своей творческой работы.

Пьесу Вл. Соловьева, напечатанную в свое время в журнале «Новый мир», критиковали историки и литераторы. Первые — за то, чего в ней нехватает (народных масс, например), вторые — за несовершенство поэтического языка, за подчиненность его стихотворной манере Ростана и некоторые другие грехи — большие и малые. Всякая углубленная критика всегда обогатит автора произведения, однако в данном случае, надо признать, критика в ря-

де суждений была мимо цели. Ибо целью «Фельдмаршала Кутузова» был театр, а не читатель, и это обстоятельство нельзя было не учитывать.

«Волосы надо писать так, чтобы под ними была видна голова» — учил своих учеников видеть главное И. Е. Репин. То же самое правило необходимых, полезных суждений действительно и для критической оценки драматургических произведений — о них надо судить так, чтобы преследовать критикой главное: пользу для театра. Надо не забывать особой природы драматургии и ее сценического воплощения.

Напомним в связи в этом классическое высказывание великого А. Н. Островского, «Только при сценическом исполнении драматический вымысел получает вполне законченную форму и производит именно то моральное действие, достижение которого автор

поставил себе целью, — писал Островский. — Драматическое искусство, принадлежа литературной своей стороной к искусству словесному, другой стороной — сценической — подходит под определение искусства вообще. Все, что называется в пьесе сценичностью, зависит от особых художественных соображений, не имеющих общего с литературными. Художественные соображения основываются на так называемом знании сцены и внешних эффектов, т. е. на условиях чисто пластических».

Этот принцип, эта специфика драматургических произведений были «забыты» некоторыми критиками пьесы Вл. Соловьева, и потому он, драматург, не потерпевший урона от «обстрела» с этой стороны, мог справедливо надеяться на свою предстоящую театральную победу. Она пришла.

«Моральное действие, достижение

Александр I — Н. В. Дарьялов

Беннисен — В. М. Казаринов

которого автор поставил себе целью», — в «Фельдмаршале Кутузове» весьма значительно, общественно весомо и сценически эффектно. Основная причина этого — талантливо, исключительно удачно созданный драматургом образ знаменитого русского полководца, героя Отечественной войны.

Сделав хотя бы одно это, В. А. Соловьев имеет право на горячую благодарность и признание широчайших кругов зрителя. Тем более, что сделал он, по сути, большое литературно-театральное дело: он дал творческую возможность талантливым актерам нашей страны воссоздать на сцене исторически масштабную, живую личность замечательного военного деятеля российской государственности.

Именно этой драматургической цели подчинена главным образом пьеса Вл. Соловьева, а не широкому показу событий, классов и людей Отечествен-

ной войны, что вряд ли могло быть под силу и Соловьеву, и театру, которому также «не объять необъятное».

В центре сюжета пьесы — драма М. И. Кутузова: драма полководца и человека, облеченного доверием войск и народа, но убежденного в неправильном понимании ими своих собственных военных интересов. От Кутузова ждут одного, а он делает прямо противоположное. Ждут контрнаступления против наполеоновских полчищ, вторгшихся в Россию, а он отдает приказ об отходе русской армии на восток. Ждут после Бородинского сражения защиты сердца страны — Москвы, а он отдает ее без боя Бонапарту. Такова история той поры, и таков глубокий драматический и драматургический конфликт между героем соловьевской пьесы и всеми ее остальными персонажами.

Вы ищете побед,
А я ищу в них смысла —

вот с чем пришел в русскую армию
Кутузов!

В Тарутинском лагере, незадолго
уже до оставления Москвы Наполео-
ном, вынужденным предложить пере-
мирие, прекрасный стратег Кутузов
все так же верен своему мудрому
военному поведению:

Р а е в с к и й.

Но недовольство первую же битвой
Могли бы вы немедленно пресечь.

К у т у з о в.

Опять к атаке клонишь речь?

Р а е в с к и й.

Хотя бы...

К у т у з о в.

Не решусь на это.

Р а е в с к и й.

Неужели вы сомневаетесь в победе?

К у т у з о в.

Что мне в ней?

Сколь мне ни важен выигрыш
сражений,

Но выигрыш войны мне все-таки
нужней!

Атаковали мы два дня тому назад.

Могли атаковать еще неоднократно —
Да что за польза нам в атаке на
Мюрата
И в том, что мы побьем французский
авангард?
Заставим действовать скорее
корсиканца?
Да мне бездействие французов,
может статься,
Желаннее всего! Уже недели две
Они лишь кошек лопают в Москве!
Велик Наполеон! Стратег, политик
ловкий!
Сравнится кто другой с ним,
думаю, навряд.
А вот сидит в Кремле, как крыса
в мышеловке,
И хочется вперед, ан надобно —
назад!

Но ведь эти слова, — повторяем, —
сказаны почти в тот час, когда Напо-
леон покидает Москву, когда вся Рос-
сия теперь воочию убеждается в му-
дрости и дальновидности своего воен-
ного гения — Кутузова! А какую ве-
ликую драму до этого момента, до
признания его, Кутузова, правоты

должен был он сам переживать, все время противореча надеждам России и тем самым стоя на страже ее счастья!

«Один Кутузов мог предложить Бородинское сражение, — писал о том Пушкин, — один Кутузов мог отдать Москву неприятелю, один Кутузов мог оставаться в этом мудром деятельном бездействии, усыпляя Наполеона на пожарище Москвы и выжидая роковой минуты: ибо Кутузов один облечен был в народную доверенность, которую так чудно оправдал».

Один Кутузов правильно оценил военный ум генерала Барклая де Толли, проводившего в начале кампании трезвый отступательный план, один Кутузов понимал, что должно и впредь следовать этому плану, но... человек умной военной мысли и упрямой души — Барклай не понят был армией и возбудил против себя общественное мнение дворянства, дипло-

матические интриги союзной Англии и, тем самым, императора Александра.

Что было делать Кутузову? Защищать любимого им Барклая или сохранить для армии и будущей победы его военную мысль? Кутузов гениально понял всю значительность и целесообразность второго поступка. Однако этот поступок не только не смягчал, а, напротив, углублял создавшуюся драматическую коллизию в отношениях между обоими полководцами. Надо отметить, что эта коллизия в пьесе показана Вл. Соловьевым умело и убедительно.

К у т у з о в.

Я нынче отпуск дал Барклаю.

Р а е в с к и й

Жаль... Славный генерал.

К у т у з о в.

Не новость говоришь ты.

Сам это знаю я. И поумнее трижды.

Чем весь мой штаб. Однако

в стороне

Держать его неловко было мне,
А к делу подпустить — могло
погибнуть дело.

Столь глупая молва сумела
Его оклеветать и возмутить умы.
Расстались нынче в полночь мы.
Я с горечью в душе, он на меня
с обидой...

Что сделаешь?.. Как видно, бог
судил.

Чтобы совсем остался я один...

Трагедия одиночества Кутузова ощущается в первый же момент появления фельдмаршала в пьесе. Он обращается к солдатам:

На вашу я гляжу воинственную
рать,
Приученную к подвигам геройским.
И думаю: как с таким-то войском
Все отступать да отступать?

В этом — одновременно и радость и горечь чувств участника стремительных суворовских походов: противоречивость чувств суворовского ученика, вынужденного на сей раз изменить тактике своего великого учителя.

ля. Ибо, как говорит в другом месте Кутузов, «не мудрость ищет славы, но слава к мудрости приходит на поклон». И, похвалив так войско, Кутузов тут же, при всеобщем изумлении и разочаровании, дает первый приказ об отступлении.

К у т у з о в.

Вам не фельдмаршал нужен,
а медведь,
Что слепнет в ярости и лезет на
рогатку.

К о н о в н и ц ы н.

Однако за спиной недалеко
Москва...

К у т у з о в.

Но ежели я не спасу войска
От многих битв, — с кем будем гнать
врага
С полей отечества за Неман и за
Вислу?

Вам ваша слава дорога.
Вы ищете побед, а я ищу в них
смысла! (Пауза)
Внук мой меня спросил намеренно:
«Неужели

Барклай-де-Толли — засл. арт. А. П. Белов

Денис Давыдов — И. С. Селянин

картина военного совета в Филях. В этой сцене — зенит кутузовской роли в пьесе. Это, пожалуй, и наилучшая сцена в «Фельдмаршале Кутузове».

Ермолов (Кутузову).

Слышал я, что Москву мы отдаем
без бою?

Кутузов.

Дай пульс пощупать. Что с тобою?
(Оглядывая всех)

Ну, господа, по малости начнем?

Скупая строчка: «Дай пульс пощупать. Что с тобою?» — должна быть источником больших творческих раздумий для актера, которому выпало счастье играть Кутузова...

Что это — отрицание, опровержение ермоловских слов? Или, может быть, невольный испуг и растерянность оттого, что преждевременно раскрыт его, фельдмаршала, секрет? Или обычный шуточный ответ старшего младшему? А может быть, это кутузовская на-

ходчивость, уловка, хитрость, дабы успокоить на время всех присутствующих генералов: высказывайтесь, мол, совершенно свободно, а я, старик, послушаю?.. Актеру в этом месте есть над чем подумать: от его сценически правильного и «тонкого» поведения зависят жизненность и убедительность кутузовского характера!

Фили... Здесь вновь, но уже в последний раз, прозвучит знаменитое фельдмаршальское «отступить».

Я властью, данной государем.

Приказываю — отступить!

Всей армией мы рисковать не
в силе.

Россия — не одна Москва.

С потерей армии — погибла
и Россия,

С потерю Москвы — она еще жива.

Казалось бы, все точно, все взвешено и продумано. Но вот ушли военачальники, и Кутузов остается один, наедине с самим собою. — вот оно.

это скрытое от всех смятение чувств, горячие раздумья и откровенный душевный взгляд на самого себя!

Монолог Кутузова — ответственнойшее место для актера: здесь на сцене определяется окончательно степень актерской удачи и психологической правдивости создаваемого образа. Во всех остальных сценах Кутузова должны, как и следует, «играть» не только исполнитель этой роли, но и все его сценические партнеры, — а монолог тем и труден всегда, что сумму создавшихся уже зрительных эмоций и впечатлений от образа он должен еще больше усилить, должен дать уже целостный его театральный портрет. Главный враг монолога — декламация, верный союзник его — правильно понятый душевный мир героя. Этот душевный мир главного героя своей пьесы Вл. Соловьев раскрыл с незаурядным умением и поэтической правдивостью.

Наполеон — засл. арт. М. С. Павликов

*Картина VI. Наполеон — з. а. р. Н. С. Павлов
Секретарь Дарю — Д. Ю. Волосов*

Есть строки подлинно высокого звучания в этом монологе:

Отечество меня призывало. И без
страха
Я принял власть и войско от него,
Подняв, как щит, перед лицом
монарха
Доверие народа моего.
Как покажусь войскам, безмолвие
и грусть
Встречая в их рядах? Как прежде
иль с опаской?
Не рано ли для ненависти царской
Я обнажил слабеющую грудь?..
Не рано ль пренебрег лукавством
царедворца?
Сознаться не страшусь с собой
наедине:
По совести служили мне
И лицемерие, и хитрость,
и притворство.
Стар стал я... стар. Седого
честолюбца
К обычной славе не прельщает
путь.
Ужели должен я впервые обмануться
За то, что не хотел впервые
обмануть?

Кутузову драматург отдал все свое умение и творческую любовь — и поэтому центральный герой победоносно вошел в пьесу. Одного этого, повторяем, достаточно, чтобы признать немалый успех соловьевского произведения. А если к этому прибавить достоинства ряда других мест в пьесе, которые мы отметим ниже, — наша оценка «Фельдмаршала Кутузова» ни в какой степени не покажется преувеличенной. Однако эта положительная оценка не снимает с нас справедливой обязанности указать и на те недостатки в пьесе, которых не избежал, увы, Владимир Соловьев.

«Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев, — мы ищем и видим только душу самого художника, — писал в свое время Лев Толстой. — И потому писатель, который не имеет ясного, определенного и нового взгляда на мир, и тем более тот, который считает, что этого даже

не нужно, не может дать художественного произведения».

На эти требования подлинного, заражающего искусства Соловьев дал мало удовлетворительный творческий ответ, создавая в своей пьесе образ Наполеона.

Образ этот почти целиком во власти уже знакомых, традиционных изобразительных средств и установившихся представлений о нем. Чтобы стать новым, обогащающим восприятие читателей и будущих зрителей, — таким он оказался не по плечу Владимиру Соловьеву! Грани кутузовского образа многообразны, поставлены под свет лучей различных драматических оттенков (история и Кутузов, Кутузов и Барклай, Кутузов и английская политика, Кутузов сам с собой и т. д.) — и совсем иное получилось с Наполеоном в соловьевской пьесе. Иллюстративность и сводная, компиляторская литературная ра-

бота — жирной печатью отметили соловьевские страницы, посвященные Бонапарту. Впрочем, нет, эти страницы не посвящены ему (ибо посвящают герою страсть, пылкость, неожиданность поэтического приема!), — эти страницы «сделаны» средствами вполне грамотной стихотворной техники и в авторском состоянии беспечного равнодушия!

Наполеон принадлежит не только Франции — он принадлежит истории, это ее человек. Искусственно принижать таких людей — это еще не значит унижить их и победить. Это, напротив, свидетельство своего собственного поражения. Творчески сражаясь с такими историческими личностями (а ведь такова, конечно же, была правильная цель Соловьева, «выступившего» против Наполеона), надо не их побеждать: вердикт вынесла давно сама история! Надо новой темой или новым раскрытием старой

темы уметь побеждать обычные представления современников об этих исторических личностях.

«Историк-ученый только объясняет историю, — отмечал классик драматургии Островский, — указывает причинную связь явлений, а историк-художник пишет как очевидец, он переносит вас в прошлые века и ставит зрителем событий». Творчески «состоя» при Кутузове, Соловьев наделен нашим доверием как «очевидец»: он поведал нам кое-что новое, чего мы не знали, — но, побывав в лагере французов, он не принес нам оттуда ничего ранее не известного: ни из области истории, ни из области поэтики.

А между тем, он как будто пытался быть этим «очевидцем», но не доверяя, сколь можно судить, своему собственному поэтическому зрению и самостоятельной авторской точке зрения на некоторые исторические обстоятельства, махнул рукой на свою ху-

Наполеон.
Постойте, граф. Мы раньше
взвесим...

Дарю.
Вы действовали так уже
неоднократно
В Италии...

Наполеон.
О ней я вспоминал.
Но может ли себе позволить
император
Все то, что мог позволить генерал?

Дарю.
Но вас народ благословлял!

Наполеон.
Ну, что же?... Я бегу теперь
Любви народной, граф. Народ — как
глупый зверь:
Он жаден, он рычит, он бьет себя
по ребрам!
Но перед сильным страх в нем
усмиряет злость,
И если короля народ считает
добрым,
То царствованье плохо удалось!

Самому Соловьеву, увы, плохо удалось в приведенном отрывке две вещи: чрезвычайно интересная, исторически острая тема (Наполеон и русское крестьянство) только затронута и никак драматургически не поставлена; второе — сколь лубочны и мелки суждения Наполеона, этого умного и масштабного политика! Между тем, затронутая тема достойна глубоких и спорящих, опровергающих друг друга мыслей, достойна более ценного поэтического своего разрешения и могла бы служить новым центром показа характера, как это сумел сделать драматург для Кутузова в Филах.

Вообще «французская» часть пьесы значительно уступает отечественной. Может быть, один только старший гвардеец Рембо составляет в данном случае выгодное исключение. Маршалы Мюрат, Ней, Бертье и Бессьер лишены индивидуальных жизненных

красок, а Бертье, князь Невшательский, только потому, вероятно, показан на миг трусом, что драматургу по историческим книгам стало известно, что впоследствии, в период Реставрации, Александр Бертье изменил Наполеону и при его возвращении с Эльбы покончил с собой.

В «русской» части пьесы удачно написаны Денис Давыдов, князь Багратион и Барклай де Толли. Искренно волнует образ мужественного и страстного Багратиона, сраженного в бою. Менее запоминается как характер — генерал Беннигсен.

В пьесе Соловьева нет народа, нет прославленных русских солдат — бесстрашных, к примеру, минеров Матвея Щербатова или Якова Федотова, имеющих право по-своему на причисление их к перечню исторических людей Отечественной войны.

Правда, в спектакль театра им. Вахтангова введены так наз. народные

сцены, виденные нами, но, строго говоря, они излишни вследствие своей явной «хрестоматийности», мешающей драматургической сущности и целям пьесы. Ибо пьеса эта — драма Кутузова, драма одного героя, а не театрализованная иллюстрация грандиозных событий 1812 года.

Драма одного героя, — так и следует играть ее! И не надо опасаться, что благородная патриотическая тема пьесы может пострадать от этого в какой-либо мере. Для того, чтобы определить соль в морской воде, не обязательно выпить всю воду. Так и в данном случае: Кутузов показан настолько глубоко в центре политической жизни народа эпохи 1812 года, что этого вполне достаточно, чтобы современный зритель увидел и восчувствовал эту эпоху.

У нас, в Ленинграде, пьесу Вл. Соловьева поставил Театр им. Ленинского Комсомола — театр талантливых

актеров, умеющих ценить талантливые пьесы. «Фельдмаршал Кутузов» выбран поэтому правильно: спектакль принес и театру и зрителю успех и радость.

«ФЕЛЬДМАРШАЛ КУТУЗОВ»

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Картина 1-я

Дворец в Вильно. Город недавно занят войсками французской армии. Гремит боевая музыка. Слышны восторженные крики в честь Наполеона, принимающего на балконе парад войск.

Среди находящихся во дворце поль-

ских офицеров возникает ссора. Спор принимает резкую форму взаимных оскорблений, офицеры обнажают сабли... Сопровождаемый свитой, появляется Наполеон. Это прекращает ссору.

Граф Лористон (бывший французский посол в России) докладывает императору, что в Вильно с письмом от Александра I прибыл посол, министр полиции Балашов. Это вызывает шутку Мюрата:

Нас с полицейской помощью из
Вильно
Хотят препроводить. Занятно!..

В беседе с Балашовым Наполеон отвергает мирные условия Александра. До тех пор, пока Россия не освободится от влияния английской политики, не может быть и речи о мире. Наполеон с удовлетворением вспоминает свои дружеские встречи с русским императором в Эрфурте и Тиль-

Картина VIII. Кутузов читает донесенье

Картина XI Александр I награждает Кутузова орденом

В сей трудный час судьбу России
Отечество и я тебе вручаем, князь!

К а р т и н а 3-я

У входа в палатку командующий 2-й армией князь Багратион беседует с Беннигсеном, который упрекает его за сочувствие назначению Кутузова.

Вышедший из своей палатки гусар Денис Давыдов жалуется Багратиону на «скуку»: «ни пистолет попробовать на меткость, ни саблю скрестить» — и просит разрешения сплотить в партизанский отряд прячущихся в лесах крестьян. Багратион обещает ему поговорить с Кутузовым.

В сопровождении генералов Барклая де Толли, Ермолова, Беннигсена и других появляется Кутузов. Разгорается спор вокруг падения Смоленска. Беннигсен предлагает повернуть колонны войск обратно на Смоленск и дать Наполеону желаемый бой. «Ну, раз же-

лаемый, знать выгодней ему!» — бросает фельдмаршал иронически и встает, давая понять, что хочет остаться один:

Вам ваша слава дорога,
Вы ищете побед, а я ищу в них смысла!

Кутузов удерживает только Багратиона. Оставшись с ним вдвоем, Кутузов в откровенной беседе рассказывает ему о своем недоверии к Беннигсену: он «русской службы генерал с немецким именем, но человек английский!». Зато очень высоко расценивает фельдмаршал Барклая де Толли и просит поэтому Багратиона с ним помириться.

Снова появляется Давыдов. Багратион рассказывает Кутузову о его просьбе, и фельдмаршал разрешает собрать партизанские отряды. Бекетов провозглашает тост «за родину, за матушку-Россию, за воинскую честь!», но Давыдов останавливает его:

Нет, подождите пить. Так тоста не
приемлю!
Нет, пусть и после нас и через мно-
го дней,
Чтоб каждый враг, ступив на нашу
землю,
Навеки оставался в ней!

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

К а р т и н а 4-я

Левый фланг русской армии — Семеновские флечи. Гремят орудия. Сражением командует Багратион. Один из метких выстрелов врага поражает любимца русской армии. Слабея от потери крови, он тем не менее отказывается покинуть поле брани.

Силы оставляют Багратиона, но только когда дрогнули и рассеялись нестройные ряды врага, когда перед Багратионом склонили отбитые французские знамена, — только тогда велел он нести себя в госпиталь, напутствуя

своих солдат последними словами:

Отдайте жизнь, но родины и чести
Не отдавайте никому!

К а р т и н а 5-я

Стоящие на часах французские гвардейцы Рембо и Генрих вспоминают о победоносных походах Великой французской армии.

Антверпен... Вена... Рим... Египет...
Мы целый мир прошли... нам не
было кордонов...
Никто и никогда нас задержать не
мог!

К а р т и н а 6-я

Фили. Изба. Под председательством Кутузова происходит военный совет. Спокойная мудрость и особая прозорливость руководят фельдмаршалом. Он внимательно выслушивает негодование своих генералов, высказывающихся за защиту Москвы. Только Барклай, на-

помнив всем, что «Москва есть прежде всего позиция» — и «позиция неважная — увы!», — предлагает сдать ее без боя.

Спокойно выслушав все мнения, Кутузов неожиданно для всех приказывает отступить, ибо

Россия — не одна Москва,
С потерей армии погибла и Россия.
С потерей Москвы — она еще жива.

Напрасно пытается кое-кто из генералов узнать дальнейшие планы Кутузова: в секрете даже от своих ближайших соратников держит фельдмаршал свой план. Недаром с усмешкой говорит Ермолов:

Князь даже спит на рукаве,
Чтобы подушка не узнала,
Что у него творится в голове!

Генералы уходят. Кутузов велит адъютанту никого не принимать:

Кто б ни пришел — хоть завтра,
хоть сегодня,
Всем отвечать: фельдмаршал спит!

В глубоком раздумьи остается наедине со своими мыслями главнокомандующий, сейчас, как никогда, почувствовавший свое полное одиночество.

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

Картина 7-я

Москва. Кремль. Отблески далекого зарева зловещими колеблющимися пятнами ложатся на пол. Секретарь Наполеона Дарю сообщает императору тревожные сведения: поджоги продолжаются, крестьянами на рынок ничего не доставлено, обозы с хлебом из Смоленска захвачены появившимися в тылу партизанскими отрядами «какого-то Давыдова», и, главное, Кутузов, направившийся в Рязань, неожиданно оказался у Калуги.

Далее Дарю рассказывает Наполеону, что Рембо убил одного баварца (из союзных немецких войск) за то, что тот пытался кого-то ограбить.

Наполеон диктует Дарю приказ о раскрепощении крестьян — он хочет «выпустить зверей из клетки их стальной», чтобы тем самым успокоить тыл, а Рембо велит наградить чином капрала.

Внезапно врывается генерал Бертье: он приносит катастрофическое известие: в Париже — заговор против императора! Наполеон в бешенстве рвет приказы и отдает распоряжение о расстреле Рембо: он не хочет сейчас в войсках немецких раздувать вражду.

Наполеон уходит. Входят маршалы Мюрат, Ней, Бессьер. Узнав от Дарю, что Рембо приговорен к расстрелу, они решают спасти славного гвардейца, казнив под его именем арестованного баварца-мародера. Потрясенный прика-

зом своего любимого императора, уходит Рембо:

И хоть рука моя еще и не слаба —
Для императора я умер,
И мне служить ему уж больше
не судьба.

Снова появляется Наполеон. Он решает форсировать мир с Россией, так как должен вернуться в Европу. Однако необходимо создать «хотя бы видимость победы»... И Наполеон пишет письмо Александру — «о мире пишет победитель в столице, взятой им!». Вручая свое послание графу Лористону, дает ему указание:

Когда начнете разговор о мире,
Не бойтесь уступать...
Отдайте все, спасайте только честь!

К а р т и н а 8-я

Тарутинский лагерь. Палатка Кутузова. Фельдмаршал со своими генералами обсуждает сложившееся положение.

Кутузову передают несколько подков, принесенных казаком, снявшим их с французских лошадей. Казак поясняет, что с такими подковами вся французская конница погибнет, едва только наступят холода.

С изумлением оценивает фельдмаршал находчивость «простых людей»:

Порой смекнут про то, что враз не
разберет.

И генерал иной... И до чего в Рос-
сии

Сметлив народ!

Беннигсен и Вильсон тщетно уговаривают Кутузова атаковать французов. Их беседа прерывается прибытием Лористона. В напыщенных и льстивых фразах граф пытается доказать фельдмаршалу необходимость для России скорейшего мира и просит вручить российскому императору послание Наполеона.

Отправляя письмо с князем Волконским, фельдмаршал, желая выгадать

время, многозначительно намекает, чтобы он не очень торопился:

От императора, скажу тебе по чести,
Я для себя хорошей вести
Не ожидаю, князь. А что ж дурную
весь

Особо торопиться везть?

Пришедший Барклай де Толли просит Кутузова отпустить его из армии. С большой грустью, с болью в сердце соглашается фельдмаршал, понимая, что уход Барклая нужен для дела. Возникший затем резкий разговор Беннигсена вынуждает Кутузова предложить ему уехать в Калугу — «болезни подлечить».

Вбегают гонец с известием: «час тому назад Москва оставлена французскими войсками!» За ним вбегают группа военных.

Издали доносится колокольный звон. Кутузов крестится, из глаз его текут слезы. Генералы и офицеры целуются... Родина спасена!..

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Картина 9-я

Вечер. У костра в лесу — Давыдов с друзьями. Перехватив письмо от французского гонца, Давыдову удалось обнаружить отряд противника, разбить который он собирается, заманив его сюда. Подходит группа партизан во главе со старым Степаном, захватившая в плен французского полковника. Вбегает подросток, сообщающий Давыдову, что приближается какой-то обоз. Полагая, что это один из отрядов отступающей армии Наполеона, Давыдов отдает необходимые распоряжения, но совершенно неожиданно — вместо врага — появляется со своей свитой Кутузов. Он тепло приветствует партизан, благодарит их за помощь и отдает приказание Раевскому преследовать врага. Ермолов в недоумении: не решил ли Кутузов взять Наполеона в плен?

Пусть на тебя падет, великий импе-
ратор,
И кровь твоих врагов, и кровь тво-
их солдат!

К а р т и н а 10-я

Местечко Сморгонь, на пути между Березиной и Вильно. Французский штаб. Наполеон внезапно сообщает о своем отъезде во Францию. Все ошеломлены...

Вводят пьяного Рембо. Он дерзок с Наполеоном, грубит ему и даже насмеяется над ним... Но император «великодушен», теперь ему легко наградить Рембо чином капрала!..

Наполеон уехал... Брошенные своим властелином, остались те, кто — по меткому выражению Дарю — были лишь пешкой в его руках. А

Кто думает о шахматных фигурах,
Когда игра проиграна уже?

Картина 11-я

Тот же дворец в Вильно, что и в 1-й картине. Вильно снова в русских руках. Кутузов беседует с Робертом Вильсоном, который убеждает фельдмаршала в необходимости продолжить войну и взять Наполеона в плен. Вежливо, но иронически ответив Вильсону, Кутузов удаляется.

Александр слышал всю беседу. Он не скрывает своей нелюбви к Кутузову, но... тем не менее, должен вручить ему высший орден, ибо «в глазах народа он герой». Государь обещает Вильсону продолжить войну, «пока моих знамен я не увижу под Парижем!».

Начинается церемония вручения ордена Кутузову. Обнимая престарелого фельдмаршала, награждая его орденом Георгия 1-й степени, Александр пытается польстить Кутузову, называя его «освободителем Европы». Кутузов молчит.

Царь продолжает речь, призывая его освободить все народы «от злобного тирана». Кутузов снова молчит...

Ужель вы не хотите следом
За дрогнувшим врагом свои войска
к победам
Вести путем, столь вам знакомым? —

пытается убедить фельдмаршала царь, но Кутузов упорно молчит и дальше, только его седая голова опускается еще ниже.

Александр удивлен:

Что видеть мы должны в молчании
таком?

Спокойно и холодно отвечает Кутузов:

Мы все молчим перед законом,
А ваше слово есть закон!

Картина 12-я

В маленьком городке Бунцлау, в Немецкой Силезии, остановился штаб русской армии, преследующей фран-

цузские войска. Кутузов опасно болен. Он лежит на кровати, по обыкновению не снимая в походе сюртука.

Положение фельдмаршала безнадежно, и Александр приехал с ним проститься.

У порога своей смерти, оставшись наедине с императором, все высказал ему Кутузов, «ни слова не тая»..

И когда, склонившись над почти уже безжизненным телом того, кто спас Россию, Александр просит простить его, фельдмаршал Кутузов отвечает ему словами, навсегда вошедшими в историю:

Я, государь, прощу; Россия — никогда!

*Центральная
Театральная касса
Управления по делам искусств
Ленгорисполкома*

2 руб.